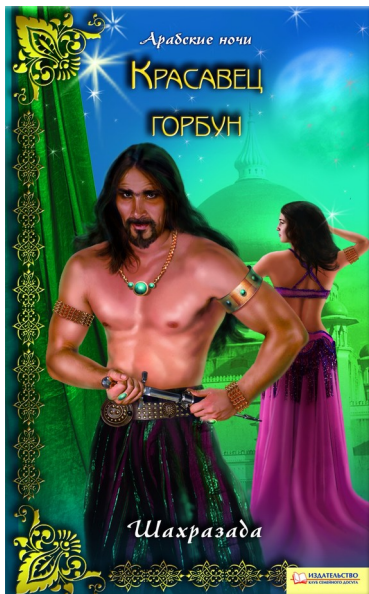

Шахразада
Красавец горбун
Серия «Арабские ночи»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8206498

Шахразада. Красавец горбун.: Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»; Харьков; 2012

ISBN 978-966-14-3155-2

Аннотация

Порой так причудливо переплетает свои нити судьба... Подвергает юношу великим испытаниям, заставляя его вкусить жар любви прекрасной джиннии, ощутить горечь проклятия, бремя странствий. Поворачивает ветры и течения, отводя корабль от родных берегов, позволяет кошке разрушить заклятие Сулеймана ибн Дауда (мир с ними обоими!). И все это ради того, чтобы ты, досточтимый читатель, подивился чудесам мира, сотворенного великим Аллахом!

Содержание

Макама первая	6
Макама вторая	10
Макама третья	14
Макама четвертая	17
Макама пятая	21
Макама шестая	25
Макама седьмая	31
Макама восьмая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Шахразада Красавец горбун

© Подольская Е., 2009

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2009, 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2009

* * *

В углу тихо чадила курильница. Суровому Мехмед-аге было не по себе. Более того, он, познавший радость сотен побед, наслаждавшийся объятиями прекрасных женщин, сейчас был напуган, как мальчишка.

– Не бойся, достойный воин! Твоя судьба видна мне далеко вперед... Ты вскоре покинешь мой приют...

– Я не боюсь, колдунья. Да и почему я должен бояться какой-то древней старухи? Колдунья усмехнулась и покачала головой.

– О моей древности мы поговорим чуть позже. Сейчас же речь идет о твоём доме и о твоей судьбе...

– О да, – Мехмед-ага согласно склонил голову. – Более я беспокоюсь о доме, а потом уж о будущем...

– Не лги, воин... О доме ты думаешь спокойно, без волнения... Так размышляют о красотах природы и вечности скал. И ты прав. Ибо твои дети выросли и судьба их определена. Жена...

Тут колдунья замялась. Мехмед-аге показалось, что она внимательно вглядывается в самую душу тусклого пламени.

– ...О, прости меня, воин, ты вдов... Так вот почему ты думаешь о будущем... А теперь дай мне коснуться твоего кинжала.

– Кинжала? Почему?

– Глупец... Я вижу, как ты им дорожишь, считаешь частью самого себя.

Нехотя Мехмед-ага протянул кинжал. Та благоговейно приняла его, кончиками пальцев прошлась по драгоценной эмали ножен, обнажила клинок. Узкое обоюдоострое лезвие вспыхнуло, вызолоченный узор у рукояти заиграл всеми оттенками красного.

– Что ж, достойнейший... Ждет тебя жизнь долгая, полная битв и любви. Ты еще будешь женат. Дети, что народятся от этого союза, многие поколения будут хранить этот удивительный кинжал. Более того, некогда он соединит судьбы, которые более не под силу будет соединить никому.

– И это все? – Мимо воли в голосе Мехмед-аги сквозило разочарование. – Кто будет моей избранницей? Где искать ее?

– О-о-о, воин, – голос колдуньи вдруг стал бархатным и зовущее-нежным. – Теперь самое время поговорить о моей древности.

И откинула покрывало. Душа Мехмед-аги замерла, ибо прекраснейшая, желаннейшая из женщин мира сейчас держала в руках драгоценный клинок.

Макама первая

Было это в те времена, когда жили в прекрасных странах под рукой Аллаха милосердного и всемилостивого не только люди и звери, птицы и гады, но и джинны и ифриты. И даже, о Сулейман ибн Дауд, мир с ними обоими, говорят, что являлся иногда и сам покровитель темных сил, Иблис Проклятый. Люди жили в мире и войнах, звери – в охоте и праздности, ифриты – в услужении, а джинны – в погоне за чудесами. И была в этом гармония, которую могло нарушить лишь событие необыкновенное. Оно и сломало этот устоявшийся порядок вещей.

В прекрасном городе Александрии, городе огромном и многолюдном, жил визирь Джамал, правая рука наместника самого халифа, голос рассудка и справедливости властелина. Визирь Джамал растил двоих сыновей – Салаха и Рашида. Мальчишки были надеждой отца, его гордостью и самой большой заботой. Ибо одному Аллаху ведомо, сколько забот могут доставить близнецы, любопытные и проказливые.

Но время воистину великий мудрец, лекарь и учитель. С возрастом сыновья визиря остепенились, голос отца наконец достиг их рассудка. И с той поры не было у наставников более прилежных учеников, а у визиря Джамала – более послушных и надежных помощников. Да и дружили братья, понимали друг друга с полуслова. И было так до того дня, когда исполнилось им по семнадцать лет и семнадцать дней.

Наступил вечер, когда зной полудня сменился долгожданной прохладой. Над городом во славу Аллаха милосердного воссияла мириадами звезд великолепная ночь, благословенная прохладная нега разливалась по улицам и дворам, остывал уставший за день город. Братья устроились в беседке посреди сада, и крошечный ручеек пел им свою тихую песню.

– Брат мой, – задумчиво проговорил Салах, – скажи мне, думал ли ты о том, что нам приготовила судьба?

Рашид чуть удивленно посмотрел на близнеца.

– Аллах милосердный, Салах, я только что хотел спросить тебя об этом!

Юноши понимающе улыбнулись друг другу. Да, так бывало уже не однажды – они одними и теми же словами отвечали на вопросы наставников, начинали разговор тоже одновременно. Когда были помладше, Салах и Рашид неоднократно пользовались своим внешним сходством, но сходство внутреннее, душевное, пришло к ним с годами. И сейчас они говорили об одном и том же, и голоса их звучали одинаково.

– Итак, брат, думал ли ты об этом?

– О да, брат мой. Думал, хотя сам корил себя за такие мысли.

– Корил? Отчего же?

– Брат мой, кто, как не ты, должен понять меня! Отец наш пусть уже и не молод, но еще полон сил. К голосу его разума прислушивается не только наместник, но и сам халиф, взвешеннее и благороднее человека нет во всей нашей стране. И недостойно нас, его сыновей, думать о том миге, когда отец утратит силы или впадет в немилость.

– Но, брат мой, речь не идет о немилости или бессилии. Я размышлял лишь о том, какая судьба ждет впереди нас двоих.

– Надеюсь, что нам не дано будет изведать нищеты или человеческого презрения... А вот судьба... Думаю, отец уже присмотрел нам достойных невест... Думаю, он уже знает и то, кому какой жизненный путь предстоит...

Салаха и в самом деле занимали мысли о жизненном предназначении, но Рашид пока думал больше о телесном, чем о духовном. И потому слово «невесты» вызвало целую бурю в его сердце.

– А представляешь, брат мой, как было бы удивительно, если бы мы женились в один день...

Салах посмотрел в горящие глаза брата. О нет, ранее он старался не думать ни о свадьбах, ни о грядущей жизни. Ведь это должно было непременно разлучить его с Рашидом, которого он считал такой же частью самого себя, как собственную руку или ногу.

– В один день?

– Конечно. Мы женимся в один и тот же день! В один и тот же день познаем своих жен... И они, о счастье, в один и тот же день подарят нам наследников...

– Или наследниц...

– Ты прав. И представь, брат, что вот так, на закате прекрасного дня ты узнаешь о том, что у тебя родился сын, а я узнаю, что стал счастливым отцом дочери...

– О Аллах, и вот пройдет тринадцать лет, и мы решим, что пришла пора женить наших детей...

– А потом пройдет еще три года и мы договоримся о приданом.

– И что ты возьмешь за свою дочь, брат мой?

– Я возьму за мою дочь у твоего сына три тысячи динаров, три сада и три деревни.

– О Аллах милосердный!

– И не меньше, брат мой. Ибо недостойно будет составлять брачную запись без такого приданого. Моя дочь слишком нежный цветок, чтобы выходить замуж за бедняка...

– Что ты говоришь, брат? Да разве мой сын – бедняк? Да разве не наследник он всего моего состояния, да разве не его считают самым богатым женихом во всем мире под рукой Аллаха милосердного и всевидящего?!

– Ты прав, брат, твой сын действительно самый богатый жених под луной. Но моя дочь самая красивая и желанная невеста! Она сможет выбрать себе в мужа любого. Но согласится выйти замуж за твоего сына. А ты жалеешь каких-то несчастных три тысячи динаров, три сада и три деревни!..

– Ты превозносишь свою дочь над моим сыном! Клянусь Аллахом, я не соглашусь отдать тебе дочь, даже если ты мне дашь за нее столько золота, сколько она весит.

И, услышав такие слова своего брата, Рашид в негодовании воскликнул:

– Я тоже не соглашусь, чтобы он был ее мужем!

Гнев застлал Салаху глаза, и он ответил:

– Я тоже!

Все в мире исчезло для Рашида. Черная пелена гнева закрыла, казалось, само солнце. Эти слова не мог сказать его брат, просто не мог! Аллах милосердный, как же был слеп он, Рашид, когда считал Салаха частью самого себя... О нет, не часть самого себя, не часть его, Рашида, души... Холодный и злой, совсем чужой человек!

Юноша встал, еще раз посмотрел на брата и, ничего более не сказав, покинул беседку. Гнев его был так силен, что он просто не мог вымолвить ни слова. Душу жгли злые горючие слезы. «О Аллах милосердный! Как неблагодарны бывают наши близкие! Я же столько сделал для него! Для его семьи, его жены и дочери! Нет в целом мире большей обиды, чем та, которую нам наносят родственники! Какая неблагодарность! Какое черствое сердце! И этого человека я считал самым близким из всех людей на этом свете!»

Любой, кто оказался бы сейчас в саду, с удивлением слушал бы эту ссору. Более того, он попытался бы примирить братьев, таких красивых и стройных, но таких неприглядных в своем гневе. Быть может, этот неизвестный наблюдатель нашел бы слова, которые помогли юношам понять, как мелок, более того, ничтожен повод для размолвки. Но увы, в саду не было никого... Мир, казалось, замер, прислушиваясь к первому, такому еще робкому ветерку, каким веяло от ссоры братьев. Той ссоры, что предвещала настоящую бурю.

Рашид, кипя негодованием, вошел в дом. Сама мысль о том, чтобы остаться с братом под одним кровом, казалась ему сейчас кошунственной. Немедленно исчезнуть, оставить брата вместе с его надменностью, жадностью, корыстолюбием... «О Аллах великий, так обидеть моего мальчика! Нанести его чуткой душе такую огромную рану! Как же ему дальше жить, зная, что в мире не осталось иных ценностей кроме мертвого блеска золота...»

Глазами, полными слез, смотрел и Салах на то, как исчезает в вечерней полутьме белая чалма брата.

«Аллах милосердный! Как же мне обидно за тебя, моя милая доченька! Как мелочен, воистину недостоин тебя оказался твой нареченный! Жалок так же, как и его отец. Ничтожный скряга! Тебе бы родиться не сыном визиря, а сыном ростовщика!»

А в тот миг, когда брат совсем пропал из глаз, Салах подумал: «Но мужайся, моя девочка! Поверь, найдется еще на свете юноша, более достойный твоей несравненной красоты, твоего разума и твоей великой души!»

Одному Аллаху ведомо, родятся ли эти дети. Но ссора братьев уже положила конец их счастью. И увы, никто ничего не мог поделать. Ибо некому было вразумить двоих горячих юношей, принявших воображаемое за действительное.

Меж тем Рашид лихорадочно собирался. Вернее будет сказать, что он разбрасывал свои вещи, пытаясь понять, понадобятся ли ему все эти чалмы и халаты, кафтаны и рубахи. Ведь он собирался покинуть отчий дом навсегда. Покинуть и вырвать из своего сердца.

И только увидев в руках собственную детскую рубаху, Рашид остановился.

– О Аллах милосердный! Да зачем мне все эти тряпки?! Неужели я не смогу купить себе то, что сочту нужным?! В моих руках умения, в моей голове знания, достаточные для достойной, безбедной жизни. Немного золота из нашей с братом казны и... и более мне ничего не надо. Пусть он и дальше купается в деньгах, считая каждый медяк и собирая приданое для своей ненасытной доченьки...

И вновь никто не смог остановить Рашида, раскрыв ему глаза на смехотворность повода для ссоры.

Тихо отворилась дверь в семейную казну. Сейчас блеск золота лишь разжигал гнев юноши. Но увы, презренный металл был его дорогой к новой жизни – и потому Рашид взял мешочек из воловьей кожи, наполнил его монетами и туго затянул шелковый шнур.

– О да, эти монеты принадлежат мне по праву. А чрезмерное – излишне.

Немного помедлив, юноша подошел к богато инкрустированному шкафчику, стоявшему в углу. Самая большая семейная тайна, драгоценность, оберегающая древний род, хранилась здесь.

– О наша драгоценность, наш талисман. И ты принадлежишь мне по праву. И по праву рождения, и по праву правого, прости мне Аллах эту уверенность.

Не раскрывая шелков, в которые была окутана семейная реликвия, Рашид опустил ее в другой мешочек воловьей кожи. И, затянув еще один шелковый шнурок, решительно вышел из сокровищницы.

– Оставайся здесь, несчастный. Оставайся наедине со своей жадностью. Перед твоими глазами, о Аллах всемогущий, говорю: нет более у меня брата. Прощай же, дом моего детства! Я некогда был здесь счастлив!

Рашид низко поклонился порогу дома и, более ни разу не оглянувшись, поспешил по улице.

Макама вторая

Не знал, да и не мог знать Рашид, как долог будет его путь к новой, достойной жизни. Пришлось ему побывать и толмачом при дворе конунга, полуночного владыки, и начальником стражи при дворе султана... Был он и путешественником, и лекарем, и купцом.

Но все проходит. И вот наступил тот день, когда корабль его судьбы прибило наконец к гостеприимному берегу. И берегом этим стала страна Ал-Лат. Сначала был Рашид писцом, потом стал советником дивана... Немыслимым представлялся случай, когда Рашид не нашел бы решения... И все его советы были взвешенными, мудрыми и милосердными. Казалось, та давняя ссора с братом навсегда выжгла из его разума безрассудность и резкость суждений. Или, быть может, это оставили свой след годы странствий и испытаний... Как бы там ни было, теперь каждое слово Рашида дышало разумом и справедливостью. И потому правитель страны Ал-Лат Темир Благодородный с удовольствием назвал его своим визирем.

Вот так и пришло спокойствие в жизнь Рашида. А вместе с уважением и спокойствием пришла в его жизнь и любовь. Дочь Валида, мудреца и младшего брата царя Темира, прекрасная Джамиля стала женой Рашида. Когда же родился в семье первенец, Бедр-ад-Дин, понял Рашид, что корабль его судьбы наконец нашел уютную гавань.

И потекли годы достойной службы и счастливой жизни. Царь страны, Темир Благодородный, уважал мнение и знания своего визиря, жена благоговела перед Рашидом, перевозила Аллаха за каждый день, проведенный вместе с мужем. Сын, Бедр-ад-Дин, слушал и даже слегка побаивался отца, видя в нем и силу, и мудрость, способные удержать мальчишку от опрометчивых поступков.

Вот так, в спокойствии, мире и почитании, прошли первые семнадцать лет жизни Бедр-ад-Дина. Ребенком он много раз слышал рассказ матери о ссоре между отцом и дядей. Вскоре должен был наступить и для него день, о котором он даже боялся и думать. День, когда ему исполнится семнадцать лет и семнадцать дней. Лишь об одном молил он Аллаха, думая об этом – пусть будет так, что гнев в этот день не затронет его душу, пусть спокойствие и мир удержат его от любых необдуманных поступков.

Ведь годы так и не смогли стереть горечь и гнев из души его отца, Рашида. И хотя теперь, после двух десятков лет, проведенных вдали от дома, он уже мог с улыбкой вспоминать о смехотворном поводе. Но горечью его переполняла мысль о том, что брат не кинулся вдогонку, не остановил его. И похоже, даже не искал того, кого в давние юношеские годы считал частью самого себя.

И вот страшный день настал. Его с одинаковой опаской ждали и отец, и сын. Но оба считали ниже своего достоинства хоть как-то проявить это. Поэтому все шло своим обычным путем.

Когда Бедр-ад-Дин спустился, чтобы отвесть изумительных лепешек, непревзойденной мастерицей печь которые была его кормилица, отец уже покинул дом. Как всегда, с утра царь Темир ждал своего визиря. Неизвестно, была ли это насущная необходимость, но ровно через час после рассвета визирь Рашид должен был поцеловать порог малого зала для аудиенций. Царь был ранней птичкой и любил выслушивать новости – и дурные, и хорошие, – рано утром. Царедворцы же, пусть и думали иначе, но вынуждены были смириться с этой старой привычкой, оставшейся у их повелителя с тех давних пор, когда скрывался он вдали от родины в далеких полуночных землях и был учеником великого чародея и непревзойденного наставника.

Итак, Бедр-ад-Дин вкушал свежие лепешки, запивая их сладким чаем. Солнце поднималось все выше, постепенно согревая столицу прекрасной страны Ал-Лат. Казалось, нет на земле картины более мирной, чем та, что открывалась взору юноши. Но на душе у него было

неспокойно. Вновь и вновь он задавал себе один и тот же вопрос: «Аллах милосердный, что меня гложет? Почему нет спокойствия в моей душе?»

И словно в ответ на эти невысказанные вопросы распахнулась калитка и показался один из друзей Бедр-ад-Дина, Хасан. Поцеловав порог дома, юноша поклонился кормилице Айше и с удовольствием опустился на подушки.

– Ни в одном доме этого благословенного города не пекут таких волшебных лепешек, достойная Айше. Думаю, ты знаешься с каким-то магом, и это он научил тебя готовить такие лакомства...

– Ах, мальчик... Ну при чем тут волшебство? Просто я пеку сласти для людей, которых люблю. И делаю это с удовольствием. Вот и все чудеса.

– О нет, почтеннейшая! – притворно погрозил пальцем Хасан. – Здесь точно не обошлось без спрятавшегося в дальнем углу джина...

– О Аллах милосердный и всемилостивый!

Юноши рассмеялись. Вместе с ним улыбалась и почтенная Айше. Она очень любила тихие утренние часы, когда ее мальчик (о нет, мать Бедр-ад-Дина, уважаемая Джамиля, была жива и вполне здорова, но Айше любила юношу как собственного сына) вот так спокоен и весел, в руках у него свежая лепешка, а на столике остывает чай...

– Скажи мне, Бедр-ад-Дин, твой отец доверяет тебе?

– Думаю, что да... Хотя у визиря наверняка есть тайны даже от самых близких людей.

– А не говорил ли тебе почтенный Рашид, твой уважаемый отец, зачем царь Темир собрал во дворце всех мудрецов дивана?

– Я впервые слышу об этом, Хасан... Никогда ранее благородный наш царь, да дарует ему Аллах спокойствие на тысячу лет, не собирал в этот утренний час всех мудрецов... Так ты говоришь, что весь диван в сборе?

– И весь диван. И дворцовая стража. И мамлюки... Все, до последнего безусого мальчишки. И гулям-дари со своими людьми...

– О Аллах милосердный и всемилостивый! И все они во дворце...

– Конечно, раз я об этом знаю.

Бедр-ад-Дин усмехнулся. О да, Хасан знал все и обо всем. Ибо отец его был летописцем при дворе Темира. И потому знание было его хлебом и самой большой радостью в жизни. И Хасан, надежда и отрада отца, с удовольствием помогал ему.

Но вскоре Бедр-ад-Дином завладели тревожные мысли. Сейчас в малом зале для аудиенций отец уединился с царем. Но весь остальной дворец набит вооруженными людьми. И мудрецы дивана тоже там, и мамлюки. И...

«О Аллах, – со все возрастающим ужасом думал Бедр-ад-Дин. – Диван задумал недоброе... Наверняка предводительствует всеми этими людьми первый советник, давний недруг отца. И такой же давний открытый враг царя Темира...»

И чем более думал об этом Бедр-ад-Дин, тем сумеречнее делалось у него на душе. Словно черные тучи напоздали на небосклон его судьбы. Он предчувствовал это и пытался понять, что же теперь делать.

Понимал Бедр-ад-Дин, что медлить более нельзя. И потому размышления его длились всего несколько мгновений. Он вскочил на ноги, чудом не опрокинув красный, крытый лаком столик.

– Хасан, там затевается что-то черное! Надо предупредить отца!

Вскочил и Хасан. Он прекрасно понял, что встревожило его друга. Понимал он и то, что их умозаключения – это всего лишь предположения. И диван, и мамлюки, и стража могли собраться у стен дворца, повинувшись велению самого царя Темира. Но пусть тогда самым страшным мигом будет тот, когда насмешки падут на головы двух беспутных юношей.

Но если все иначе? Если войско и стража подчиняются другому приказу и поддержат диван? Поддержат первого советника в его неправых попытках захватить трон древней и прекрасной земли Ал-Лат.

Менее всего думал сейчас Хасан о славе защитника трона. И совсем не думал об этом Бедр-ад-Дин. Да, он любил и уважал мудрого царя. Но сейчас его снедала тревога о судьбе отца. Именно о Рашиде сейчас и беспокоился его сын.

И чем ближе становились стены дворца, тем более темные предчувствия охватывали юношу. В каждом прохожем ему мерещился лазутчик, соглядатай, враг. И пусть это был простой торговец водой, или метельщик улиц, или посыльный, несущий с базара корзину припасов.

Вот наконец и калитка в дворцовой стене. Не так давно ее показал сыну сам визирь Рашид. Едва заметная дорожка сменилась полутемным коридором, который привел Бедр-ад-Дина к высоким узким дверям. О да, именно это были двери в малый зал для аудиенций, но не главные двери, обычно охраняемые самыми доверенными стражами. *Эти* двери открывались бесшумно, дабы не спугнуть плавное течение царственной мудрости.

Рашид и Темир вполголоса беседовали о чем-то, пригубливая из пиал сладкий шербет. В зале стояла почти полная тишина, лишь временами прерываемая тихими словами собеседников. Поэтому возглас Бедр-ад-Дина прозвучал, словно удар грома:

– Отец! Беда!

Макама третья

Рашид вскочил.

– Сын мой, что случилось? Какая беда? Что заставило тебя потревожить нашу важную беседу?

Юноше стоило немалого усилия поклониться и говорить вежливо и почтительно, как того требовали традиции дворца.

– Прошу прощения у моего достойного отца за то, что потревожил его важную беседу. Прошу прощения и у тебя, мудрый наш царь Темир. Быть может, я излишне самонадеян, быть может, скоропалителен в суждениях, но я опасаюсь, что за спиной у тебя, мой царь, за спиной у тебя, уважаемый отец, затевается недоброе.

– О чем ты, юноша? – Голос у царя был очень глубокий, низкий. Никто и никогда не слышал, чтобы царь говорил хоть на полтона громче, чем того требовали традиции. Но каждое царское слово было на вес золота, ибо за каждым стояла и мудрость, и справедливость, и долгое размышление.

– Прости меня, о великий царь, но я осмелюсь задать тебе вопрос. Скажи мне, ты собирал сегодня под свою руку диван, стражу и армию мамлюков?

– Аллах милосердный, Бедр-ад-Дин, что ты говоришь? – не выдержал визирь Рашид.

– Нет, мальчик, я не собирал сегодня под своей рукой ни войско, ни стражу, ни диван. Более того, еще вчера на рассвете армия мамлюков должна была покинуть пределы страны Ал-Лат. Ибо о помощи просил наш сосед с полуночи.

Бедр-ад-Дин кивнул. Сбывались его худшие опасения. О, как бы он благодарил сейчас Аллаха, если бы царь сказал «да» и поднял его на смех вместе с его детской паникой!

Но увы, царь был серьезен и даже суров. И от этого вопрошающего взора колени юноши задрожали.

– Но, быть может, мой всеильный отец, твой визирь Рашид отдал повеление о том, чтобы мамлюки и стражники собрались в помещениях стражи у внутренних стен дворца?

Рашид ответил суровым взором.

– О нет, мой беспокойный сын, я не отдавал такого повеления. Более того, я не могу этого сделать, ибо мои обязанности – дела государства, а стражей управляю не я...

– Тогда, о царь, скажи, почему во дворце собрались диван, стража, мамлюки, гулям-дари? Почему они все собрались тут, но ты об этом ничего не знаешь?

– Увы, юноша, я этого не знаю, потому что я сам такого повеления не отдавал... И тот, кто, набравшись смелости, такое повеление отдал, рискует очень многим в этой жизни. Да. Пожалуй, и самой жизнью.

– Боюсь, мой царь, что этот неизвестный не думает сейчас о своей жизни... Думаю, что он пытается отобрать твою... Отобрать твою жизнь вместе с тронem и властью, данной тебе самим Аллахом всемилостивым и милосердным.

Бедр-ад-Дин лишь заканчивал произносить эти страшные слова, но ужас и невыносимая горечь предчувствия проникли в его душу. «О да, именно так все и обстоит! Это заговор!»

Царь недобро усмехнулся. Увы, эта гримаса не помогла юноше, наоборот, ему стало еще страшнее.

– Ну что ж, юный Бедр-ад-Дин, я думаю, есть только один способ узнать, прав ли ты в своих опасениях. Я знаю, кто мог отдать такое повеление. И сию же минуту задам ему этот вопрос.

Серебряный колокольчик прозвенел в тишине малого зала. И в дверях появился, согнувшись в поклоне, юный слуга.

– Али, мы ждем в этом зале первого советника. Наше негодование велико. Скажи ему, пусть немедленно, бросив все, даже самые срочные дела, появится пред нашим взором.

Слуга поклонился и исчез. В молчании потекли тягостные минуты ожидания. Наконец распахнулись главные двери малого зала для аудиенций, и на пороге показался первый советник.

Рашид рассказывал сыну, что первый советник, Сейфул, состоял некогда еще в свите отца царя Темира, царя Омара. Был он в те годы уже искушенным царедворцем, хоть совсем еще молодым человеком. Сначала советник Сейфул пытался сблизиться с царевичем Мансуром, сыном царя Омара и его второй жены Амани, чтобы так добиться власти. Но сам царь Омар сурово пресек это. Позже, когда Темир Благородный воцарился в стране Ал-Лат, попытался первый советник сблизиться и с царем. Однако Темир, воспитанный вдали от двора, но прекрасно понимающий поступки людей, держался в отдалении от всех слуг и придворных, мудро соблюдая дистанцию. И хотя царь признавал, что нет у него советника более разумного, искушенного в таинственном искусстве политики, но уже много лет Сейфул оставался только первым советником дивана. И не более.

И вот теперь двери распахнул высокий, чуть грузный человек с суровым лицом. Бедрад-Дин удивился тому, как долго он шел. Ведь малый зал для аудиенций от дивана отделяли всего два коридора и не более минуты неторопливой ходьбы.

Сейфул с достоинством поклонился:

– Приветствую тебя, о благородный и великий царь, да хранит Аллах твой покой долгие годы!

– Здравствуй и ты, достойный Сейфул, на долгие годы.

– Я явился по зову наицарственнейшего из правителей великой страны Ал-Лат.

– Да, мы звали тебя. Мы желаем узнать, Сейфул, почему в этот ранний час в нашем дворце собрался весь диван. Почему, почтеннейший, у внутренних стен дворца расположилась не только дворцовая стража, но и армия мамлюков, которой должно было бы сейчас уже пересекать пустыню на полуночи? Почему гулям-дари и его люди стали лагерем под стенами женской части дворца?

– Но, мой царь, откуда ты взял все это? Кто оболгал твоего верного слугу?

Армия мамлюков покинула пределы столицы еще на заходе солнца; гулям-дари, всего с несколькими доверенными людьми, пришел ко мне на доклад... Диван пуст, лишь слуга чинит перья в углу у окна...

Темир пристально взглянул на Сейфула. И тот словно подавился собственными словами. Увы, иногда придворные забывали, что царь Темир вырос не в покоях дворца, а далеко на севере, у наставника, приучившего юношу к суровости и коварству мира. Забывали, и жестоко платили за свою забывчивость.

– О нет, Сейфул, о тебе никто не успел сказать ни слова. О том, что армия покинула пределы столицы, ты сказал нам только что. Но увы, наш первый советник, это неправда... Ибо армия мамлюков не покидала пределов города... Наоборот, если как следует прислушаться, то гомон сотен людей лучше всяких слов укажет на лживость твоих честных глаз. Диван пуст, я знаю это. Но вот покои рядом с диваном полны – и это тоже прекрасно слышно тому, кто хочет услышать. О том, что гулям-дари с недавних пор зачастил в твой дом, не знает в нашем прекрасном городе только тот, кто лишь сегодня приехал в столицу земли Ал-Лат. И потому я вновь задаю тебе вопрос, о наш первый советник: почему собрался диван и почему мамлюки стоят у стен дворца?

С каждым словом лицо первого советника становилось все более бледным. Но Бедрад-Дина эта бледность почему-то пугала еще сильнее, если вообще можно представить себе такое. Ибо прекрасно понимал юноша, что вместе с другом только что раскрыл заговор, который зрел буквально за спиной у его отца, визиря Рашида.

– Так что ты ответишь нам, мудрый наш советник?

– Только одно, о царь... Стража! Сюда!

И в это мгновение все двери малого зала для аудиенций распахнулись, и в святая святых хлынул поток вооруженных людей. Да, это были опытейшие из опытных, отчаяннейшие из отчаянных... Одним словом, настоящие головорезы. Царь Темир вдруг удивленно спросил сам у себя, что делают все эти люди в его армии? Разве не стремился он окружить себя достойнейшими, благородными, любовью к родине ставящими куда выше любви к золоту?

«Увы, – пронеслось в голове царя, – все то, что я не успел сделать или сделал плохо, сейчас повернуто против меня...»

– В колодки его, и в яму! С визирем тоже не церемониться! Пусть они продолжают свой совет в застенках! Какое счастье, что не успели еще снести зиндан! Там нашему правителю самое место!

Ни тени сомнения не появилось на лицах мамлюков. И царь вновь укорил сам себя: «Значит, они были так сильно недовольны жизнью и службой... Глупый Темир, ты и об этом должен был подумать раньше...»

Но, мысленно произнося укоры, царь тем не менее не стоял безвольной куклой, позволяя связать себе руки. Сейчас ему, как никогда, пригодились уроки учителя и друга, мудреца Георгия. Первых двух воинов царь столкнул лбами с такой силой, что не выдержали кости... Следующая попытка связать царя также потерпела неудачу – еще одна пара стражников лежала, пораженная собственными копьями. Царь давно уже не сидел на уютных подушках, а почти незаметно для глаз перемещался к стене, стараясь при этом сделать так, чтобы его визирь оказался у него за спиной.

– Аллах милосердный, Темир, они же сейчас навалятся все вместе!

– Ну, значит, нас ждут еще несколько минут отличнейшей схватки! – ответил Темир, напряженно следя за нападающими.

Стражники, поняв, что их ждет серьезный противник, пытались на ходу принять какое-то решение, и потому медлили.

Бедр-ад-Дин, прижатый к дальней стене, с ужасом следил за каждым мигом борьбы, стараясь понять, когда же понадобится его помощь. Он чуть пригнулся, готовясь прыгнуть в ноги мамлюкам. Замешательство врагов заставило и его застыть в неудобной позе.

И тут юноша услышал слова царя. Казалось, что Темир спокойно сидит на троне, а не защищает себя и визиря – там ровен и мягок был его голос.

– Мальчик, не медли ни секунды... Беги из дворца и предупреди моего брата и мудреца Валида...

Словно только в этот миг первый советник увидел Бедр-ад-Дина. Он взревел:

– Схватить мальчишку!

Но юноша не стал ждать, пока огромные воины развернутся и вцепятся в него. Ящерницей он скользнул вдоль стены и уже через миг со всех ног мчался по извилистому коридору. Мчался, словно за ним гнались страшные джинны. Хотя, быть может, так оно и было, ибо мамлюки были куда более похожи на ужасных духов огня, чем на простых людей.

Наконец Бедр-ад-Дин оказался в дворцовом парке. Но не стал убегать со всех ног. О нет, он вспомнил старую поговорку, что ловят того, кто бежит. И потому, сдерживая себя из последних сил, неторопливо пошел в сторону башни, где давным-давно жил старый звездочет, а теперь в его кабинете полновластным хозяином стал его внук, мудрец Валид.

Каждый шаг давался Бедр-ад-Дину с превеликим трудом, но он понял, что победил, только в тот миг, когда резная дубовая дверь башни медленно закрылась у него за спиной. И тут все силы разом покинули юношу, он отдыхал почти минуту, прежде чем смог крикнуть:

– Мудрый Валид! Беда!

Макама четвертая

– Да, мой юный друг, это беда... Огромная беда для всей прекрасной страны Ал-Лат... – проговорил Валид, черноволосый, едва начавший сидеть мужчина, очень похожий на царя Темира. Неудивительно, ведь он приходился царю младшим братом.

Бедр-ад-Дин только что закончил свой рассказ. Пусть он говорил сбивчиво, пусть временами даже проглатывал по полслова, но Валид его не перебивал, прекрасно понимая, что хочет сказать юноша. И вот, когда сын визиря смолк, заговорил мудрец.

– Увы, мой мальчик, недооценивать первого советника было неразумно со стороны моего брата. Но сейчас надо думать о другом. Надо думать о том, как помочь царю сохранить жизнь... Как уничтожить его врагов... Теперь это моя забота. Тебе же следует немедленно исчезнуть из столицы...

– Бежать, о мудрейший? Сбежать, не помочь отцу? Оставив его тут совсем одного? Никогда!

– О Аллах милосердный и всемилостивый! Как иногда неразумны и непослушны даже самые хорошие дети... – пробормотал мудрец.

Потом, глядя в глаза юноши, он медленно, отчетливо проговорил еще раз:

– Из столицы надо исчезнуть *тебе*, юный Бедр-ад-Дин. Ибо ты оказался свидетелем дворцового переворота. И сейчас речь не идет о том, что надо помогать визирю, сейчас речь идет о твоей собственной жизни. Пойми, ты уже один раз помешал им, лишил их заговор самого главного – внезапности. Ты видел все с самого начала, и, поверь, мальчик, я знаю, о чем говорю: первый советник приложит все старания, чтобы ты расстался с жизнью как можно скорее. Причем независимо от того, увенчается ли этот переворот успехом. Если первому советнику удастся воцариться – то ты будешь свидетелем того, какими низкими и недостойными средствами это было совершено. Если не удастся – то ты будешь свидетелем его позора.

– Но, мудрый Валид...

– Я понимаю тебя, юноша. Но с этого мига о том, что произошло, знаешь не только ты. А я, поверь мне, не брошу своего брата в беде. И, поверь мне еще раз, среди моих друзей найдутся те, кто поможет воцариться справедливости. Но тебе тем не менее надо покинуть страну, пусть и ненадолго.

– Я не покину отца, – упрямо вскинулся Бедр-ад-Дин.

«Строптивец! – залюбовался Валид. – Замечательного сына воспитал Рашид. Что ж, придется действовать иначе...»

– Да будет так! – кивнул мудрец. – Тогда тебе придется подчиниться моему приказанию и спешно – слышишь, юный Бедр-ад-Дин? – спешно, не теряя ни мгновения, отвезти весьма секретные вести нашим друзьям, в страну Кемет, черные земли которой вскормили многих друзей нашего царя. Сейчас отправляйся домой. Соберись так, чтобы, как только мой посыльный передаст тебе свитки, сразу же отправиться в путь. Вместе со свитками ты получишь серебряную царскую байзу. Вот такую...

И мудрец показал Валиду большую серебряную монету.

– По такой байзе ты узнаешь моего посыльного. А сейчас поторопись покинуть меня. Мне надо связаться с нашими друзьями и...

Продолжения Бедр-ад-Дин ждать не стал. О да, он понимал, что это поручение – то же бегство. Но это было поручение брата царя. А этого приказа юный сын визиря послушаться не мог. Он со всех ног неся по узенькой улочке, что вела к его дому. Несся и думал о том, говорить ли матери о беде, что случилась во дворце.

«Думаю, что матушка, добрая Джамиля, испугается, когда услышит обо всем... Но оставлять ее в неведении о судьбе мужа недостойно и трусливо. Что же мне делать?»

Калитка бесшумно впустила Бедр-ад-Дина во двор. И, словно в ответ на его сомнения, перед юношей появилась мать. Ей хватило лишь одного взгляда на сына, чтобы все понять и без слов.

– Что-то случилось с отцом, мальчик?

И пришлось Бедр-ад-Дину еще раз пересказать свою историю сначала.

– Ну что ж, сынок, мудрец прав... Тебе действительно надо немедленно покинуть нашу прекрасную страну. Я горжусь тем, что он дает тебе важное поручение.

– Но, матушка, кто же поможет отцу, если я уеду?

– Аллах милосердный, мальчик. Ну почему ты думаешь, что ты остался единственной надеждой визиря?

– Но, матушка, я же...

– Пойми, мой смелый сын, что ты сделал нечто гораздо более драгоценное, чем простое сражение с убийцами. Ты предупредил друзей царя и визиря. Пусть наши враги торжествуют победу... Но они еще не знают, что их ждет кара, куда более страшная, чем они это могут себе представить.

– Но, матушка...

– Собирайся, сынок, времени у тебя совсем немного. Вот-вот появится посыльный от мудреца Валида. Поспеш.

Мать удалилась к себе, и Бедр-ад-Дин попытался собраться с мыслями и решить, что же ему понадобится в дороге. Но увы, в его голове было пусто, лишь все время слышались голоса первого советника и царя.

Добрая Джамиля с улыбкой смотрела на сына. Смотрела и радовалась тому, что воспитала достойного и решительного человека, менее всего думающего о собственной жизни, но беспокоящегося о благе тех, кто ему дорог.

– О Аллах, Бедр-ад-Дин! Не суетись. Давай я помогу тебе.

В умелых руках матери сам собой сложился и завязался кожаный мешок со сменой одежды, рядом с ним на каменный пол двора лег еще один – с провизией. Вот и бурдюк с водой, вот мешочек с пряностями...

– Да будет благословен этот дом на сотни сотен лет под рукой Аллаха всемилостивого!

На пороге появился стройный юноша, сжимающий в руках еще один мешок, на этот раз продолговатый.

– Не ты ли, о достойнейший, Бедр-ад-Дин, сын визиря Рашида?

– Да, это я.

– Меня послал мудрец Валид, да продлит его годы без счета Аллах милосердный! Это он повелел передать тебе!

Бедр-ад-Дин взял из рук посыльного длинный сверток и ту самую большую монету, серебряную царскую байзу. Бедр-ад-Дин был сыном визиря и потому прекрасно знал, какие силы теперь у него в руках. За его спиной словно встала теперь вся страна Ал-Лат, ибо серебряная байза говорила любому, кто видит ее: «Этот достойный человек странствует по велению царя страны Ал-Лат!» Да, это была большая честь для любого, кто держит ее в руках. Большая честь и большая ответственность. Так учили Бедр-ад-Дина – тот, кто взял в руки царскую байзу, стал лицом страны.

Юноше оставалось только безмолвно поклониться посыльному. Вновь закрылась калитка. Мать и сын остались одни.

– Пора, матушка...

– Пора, мой мальчик. Но прежде чем ты покинешь наш дом, надеюсь, совсем ненадолго, я должна отдать тебе одну вещь. Некогда она принадлежала твоему деду, отцу братьев Рашида и Салаха. А к нему перешла от его деда. По преданию этот клинок в далекие времена спас жизнь прадеду прадеда твоего отца. И с тех пор считается он не драгоценностью, а семейной реликвией, охраняющей род. Когда отец после ссоры с братом покидал дом, он взял это сокровище с собой. Мудро он сделал или нет, не нам судить. Теперь же, мальчик мой, я отдам половину этой драгоценности тебе. Что бы ни случилось с тобой, береги этот клинок, и, надеюсь, тогда он уберет от беды тебя. Если же Аллах всемогущий позволит и ты попадешь в дом дяди – передай клинок почтенному Салаху как знак соединения семьи. Возьми же, Бедр-ад-Дин!

Джамиля развернула шелковый платок, переливающийся всеми оттенками синего, и достала кинжал в ножнах. В солнечных лучах заиграла драгоценная эмаль, и самоцветы ожили, радуясь прикосновению живительных лучей.

С благоговением Бедр-ад-Дин взял в руки реликвию и обнажил клинок. Узкое обоюдоострое лезвие вспыхнуло хищным блеском, вызолоченный узор у рукояти полыхнул огнем.

– О Аллах милосердный, какая красота! – прошептал юноша.

Джамиля взяла у него из рук и кинжал, и ножны, приложила их к своему лбу, а потом на минуту прижала к груди. Потом, поцеловав рукоять, отдала кинжал сыну, а ножны вновь спрятала в синий шелковый платок.

– Храни его, сынок, так, как я хранила тебя все эти годы. И, да смилуется над нами Аллах, надеюсь, мы вскоре соединим нашу реликвию.

Бедр-ад-Дин поклонился матери. Так низко он не кланялся никому в этой жизни. Но сейчас, перед расставанием, мир вдруг открылся ему с совершенно новой стороны. Он в одно мгновение вспомнил историю своего отца и поразились его стойкости и мужеству. Подумал он и том, что мать, с любовью и нежностью охранявшая его все эти годы, сейчас остается одна. Ужас от осознания того, что он, выполняя поручение Валида-мудреца, обрекает Джамилю на страдания и одиночество, вновь охватил его.

– Матушка, но почему я должен уезжать? – жалобно, как в детстве, спросил Бедр-ад-Дин. – Быть может, разумнее мне было бы остаться и охранять вас, охранять наш дом?..

– Мальчик, все уже решено. Думаю, найдется кому охранять наш дом. Ты же должен исполнить поручение Валида. А исполнив его, ты вернешься домой. Ибо так распорядился Аллах милосердный!

На сердце у Бедр-ад-Дина было тяжело и беспокойно. Но он собрал все свои силы, поцеловал мать в лоб, поклонился дому и решительно ступил за порог. Оседланный жеребец уже ждал его. А далее... Кто знает, что предназначено ему?

Макама пятая

Долго еще чувствовал Бедр-ад-Дин взгляд Джамили после того, как покинул и родную улицу, и родной город. Вскоре скрылись и минареты. Лишь бесконечная лента дороги среди холмов была теперь перед глазами юноши.

Вновь и вновь он вспоминал события сегодняшнего утра. Вновь вставали перед его мысленным взором полные ненависти глаза первого советника и спокойные, чуть прищуренные – царя Темира. Вновь юноша видел, как царь оттесняет к стене визиря, защищая две жизни. Но внезапно еще одна мысль пришла Бедр-ад-Дину в голову. И такая же безрадостная, как и прежние воспоминания.

«О Аллах, а что же стало с Хасаном? Я потерял его у стен дворца... Аллах милосердный, прошу тебя, сделай так, чтобы с ним ничего не случилось. Я сейчас не могу ничем ему помочь. Но, быть может, когда я вернусь, я осмелюсь просить прощения у своего лучшего друга за это постыдное бегство...»

Быстроногий конь уносил юношу все дальше, но мыслями Бедр-ад-Дин по-прежнему был там, в родном городе. Душевная боль терзала, не давая успокоиться. Но постепенно бесконечное однообразие дороги взяло верх. И вот дыхание выровнялось, слезы более не подступали к глазам, разум очистился. И только сейчас Бедр-ад-Дин смог задать себе новый вопрос:

«Но куда я еду? О да, от города ведут многие дороги. Но почему я поехал именно по полной? Почему не избрал дорогу, что идет вдоль моря? И что я везу с собой?»

Бедр-ад-Дин пустил коня шагом и, путаясь в шелковых шнурах, наконец раскрыл узкий кожаный мешок, который передал ему посыльный. Два свитка, один заметно крупнее другого, тонкая черная палочка с синими и золотыми полосками, увенчанная петлей, по виду деревянная, но удивительно тяжелая для любого дерева, лоскут черного шелка с вышитым знаком...

– О Аллах, что же это все такое? – удивился Бедр-ад-Дин. – Похоже, это был поддельный посыльный... Но байза-то настоящая... Что же это все значит?

Наконец юноша обратил внимание, что один из свитков – тот, что был тоньше, – написан так: «Бедр-ад-Дину, сыну визиря Рашида».

– О Аллах, наконец я получу ответы на свои вопросы... – пробормотал сын визиря, торопливо разворачивая свиток.

«Да хранит тебя Аллах великий и милосердный! – так начиналось письмо мудреца Валида. – Надеюсь, ты развернул это письмо уже после того, как скрылись за спиной городские стены. Если это так, то я могу быть спокоен и за тебя, и за дело, которое поручаю тебе. Если же нет, то, боюсь, нешуточная опасность, грозящая нам, стала еще больше. Но выбора у меня нет. Счастье, что тебе удалось ускользнуть из лап первого советника.

Увы, мой юный друг, этот негодяй уже давно готовил заговор. И до меня доходили слухи, и, думаю, до моего брата, нашего мудрого царя Темира тоже. Но мы оба не придали значения слухам, более надеясь на разум подданных и царедворцев. И потому я виню в случившемся и себя. Но тебе, мужественный юноша, я поручаю дело необыкновенной важности. Ты должен отвезти второй свиток, который найдешь в мешке, наместнику самого халифа, правителю самого северного города в черной земле Кемет. Город этот называют Александрией, он стоит на берегу Серединного моря. И лишь после того, как ты передашь свитки в собственные руки наместника по имени Исмаил-бей, твое поручение будет выполнено. Но не жди, что Исмаил-бей сразу поверит тебе. Этот человек недоверчив и осторожен, ни серебряная байза, ни твои самые горячие слова его не убедят. Черный жезл, который ты, думаю, уже нашел в мешке, принадлежал некогда властителям земли Кемет, фараонам. Его

однажды сам Исмаил-бей вручил нашему царю, Темиру. Этот жезл и послужит тебе лучшей верительной грамотой. Если же Исмаил-бей не властвует над городом Искандера Двурогого, то сожги свитки, не читая их. А после этого постарайся укрыться там, где тебя никто не стал бы искать. И помни, мужественный юноша, что ты сделал и для царя и для визиря неизмеримо много. Но, если твое путешествие увенчается успехом и ты сможешь отдать грамоты Исмаил-бею, твое поручение будет нашей победой.

Не тревожься за отца, не тревожься за мать – они будут под защитой сил, неподвластных первому советнику. Я надеюсь на тебя, юноша!»

Словно не веря собственным глазам, Бедр-ад-Дин еще раз перечитал письмо мудреца. Потом еще раз. Потом в третий. Лишь теперь смысл слов начал доходить до его разума.

– Александрия... – пробормотал Бедр-ад-Дин. – Город Искандера Двурогого... Да будет с тобой Аллах, мудрец Валид. Сдержи слово, защити моих родителей. А я сдержу слово, данное тебе, и доставлю послание Исмаил-бею, наместнику самого халифа...

Легконогий конь отмерял фарсах за фарсахом, но юноша не видел ничего перед собой, не видел он и дороги. В раздумьях о том, что осталось в родном городе, прошли часы. Не помышлял и о ночлеге Бедр-ад-Дин, потому сумерки застали его вдали от любого жилья. Но отдых нужен был и юноше, и его коню. И потому, увидев в стороне от дороги несколько пальм, склонившихся над источником, всадник поспешил туда. Да, это был не надежный кров над головой, а лишь слабое подобие убежища. Но сейчас и оно показалось усталому путнику лучше самой нежной постели из сотни шелковых ковров.

Вскоре у корней пальм замерцал огонек. Разжечь костер оказалось куда проще, чем думал Бедр-ад-Дин, удивляясь собственным умениям. Некогда отец учил его всему, что может понадобиться одинокому путнику. Тогда эти уроки казались мальчику невероятно тяжелыми, а слова Рашида-визиря – непонятными. Но сейчас, вспоминая о тех ночевках в пустыне, Бедр-ад-Дин не только смог развести костер, но и понял, что мать успела уложить в прочные кожаные мешки множество полезных мелочей, которые заметно облегчают любое странствие. Когда же нашел юноша и мешочек золотого урюка, любимого своего лакомства, слезы навернулись ему на глаза.

– Да будет с тобой Аллах милосердный, добрая моя матушка!

Наконец ужин был съеден, чай остывал рядом с мерцающими углями костерка. Сон смежил веки усталого путника. Но юноша уснул лишь на несколько мгновений, ибо его обострившийся слух уловил шелест чьих-то шагов.

Кто-то легкий, словно бестелесный, прошел между пальмами, тронул сбрую коня и присел у костра. Шорох ткани окончательно разбудил Бедр-ад-Дина.

Перед костром сидела женщина, которой неоткуда было взяться в этих пустынных местах. Но то была не просто женщина. Необыкновенной красоты лицо, огромные, казалось, светящиеся глаза, нежная улыбка, легкие, полупрозрачные одежды...

– О красавица из красавиц, – пробормотал юноша, не в силах поверить в то, что видит его глаза. – Кто ты и как оказалась здесь?

Красавица молчала, разглядывая лицо Бедр-ад-Дина.

– Почему ты молчишь, прекраснейшая?

Девушка улыбнулась и чуть пожала плечами.

– Быть может, ты не понимаешь моего языка?

Девушка молчала.

– Не бойся меня, я всего лишь путник. Цель моего странствия так далека, а силы столь ничтожны...

Но девушка по-прежнему лишь молча улыбалась. Бедр-ад-Дин смешался. Да, у него не было богатого опыта общения с незнакомыми девушками, но все же он надеялся на какой-то ответ.

«О Аллах, неужели я так далеко от родных мест? Неужели здесь совсем никто не понимает моих слов?»

Бедр-ад-Дин улыбнулся таинственной красавице и начал задавать вопросы на разных языках. А знал он их немало – и языки сопредельных народов, и наречия разных частей прекрасной страны Ал-Лат. Увы, красавица все так же молчала. Лишь все ярче блестели в ночной тьме ее погибельно-прекрасные глаза.

Наконец Бедр-ад-Дин рассердился.

– Глупая женщина! Я сегодня пережил утомительный день. И завтра меня ждет точно такой же. Хочешь молчать – молчи! А я буду спать!

И юноша, укутавшись в кошму, повернулся к красавице спиной. Ни звука не услышал он в ответ. Но из упрямства пролежал несколько бесконечно долгих минут спиной к той, что сидела у гаснущего огня.

Когда же его терпению пришел конец, Бедр-ад-Дин обернулся. И замер от ужаса. Рядом с костром никого не было.

– О Аллах милосердный, не привиделось ли мне все это? Клянусь, она только что была здесь! Глаза же не могут меня обмануть! Но что это было?

И вновь лишь тишина была ответом на недоуменные вопросы Бедр-ад-Дина. Появлялась ли в самом деле эта красавица? Или только привиделась ему?

В сотый раз задавал себе эти вопросы юноша, но ответов на них не знал. Так не придумав ничего и ничего не поняв, он и уснул.

Первые солнечные лучи, пробившиеся через листву пальм, разбудили Бедр-ад-Дина. Вместе с юношей проснулись и его недоуменные вопросы. Да, теперь он знал, куда и зачем едет. Но не ведал, что же такое пригрезилось ему вчера в сумерках. Была ли то живая женщина? Или, быть может, усталый разум сыграл с ним злую шутку?

Шумное фыркание жеребца отвлекло юношу от размышлений. О да, пора было торопиться. А задавать себе вопросы можно и верхом.

Бедр-ад-Дин подтянул ослабленную на ночь подпругу, повесил седельные сумки и обернулся, чтобы проверить, не забыл ли он у ручейка чего-то важного. И в этот миг снова увидел ее. Ту самую вчерашнюю красавицу.

О нет, теперь она была куда более живой. Солнце освещало ее прекрасное лицо и осторожно гладило черные как смоль волосы под прозрачным покрывалом, серебряные браслеты пели какую-то странную, но чарующе-прекрасную песнь.

– О Аллах, – проговорил Бедр-ад-Дин, – это снова ты... Кто же ты, молчаливая красавица? И почему ты снова молчишь? Быть может, ты просто грезишься мне?

– О нет, достойный юноша. Сейчас я тебе не грежусь.

Даже голос у этой красавицы не очень походил на человеческий, женский голос. Грудной, бархатный, он обволакивал и очаровывал.

– Сейчас я здесь, рядом с тобой. Присядь, посмотри мне в глаза, раскрой свое сердце...

Голова у Бедр-ад-Дина начала кружиться. Ему все время хотелось смотреть на это коралловые губы, произносящие такие колдовские слова. Глаза, словно два убийственных омута, притягивали. Юноша поймал себя на том, что ему хочется только одного – коснуться этой необыкновенной девушки. Погладить лилейно-белую руку, скользнуть губами вдоль лебединой шеи, запутаться пальцами в черной гриве волос. Эти желания становились все настойчивее, заставляя забыть о долге и о поручении, которое гнало его прочь от родного дома.

– Не сдерживай себя, юноша, не мечтай о том, что сегодня для тебя стало настоящим... – меж тем продолжала околдовывать девушка.

Бедр-ад-Дин не заметил, как гостья сняла головную накидку, не успел удивиться тому, откуда в тени у ручейка появилась мягчайшая кошма. Не понял он, что же его заставило вновь ослабить подпругу, сложить у ног жеребца седельные сумки, распушить кушак и сбросить чалму.

– Иди сюда, милый мальчик... Забудь обо всем, отдайся мигу... Пусть жизнь одарит тебя бесконечной, медлительной страстью...

Голова у юного Бедр-ад-Дина закружилась окончательно. Он уже не помнил где он, что с ним, торопится он куда-то или устал после долгой погони... Разум уснул, убаюканный смертельно-колдовским шепотом девушки. Лишь одно почувствовал юноша, прежде чем отдался водовороту безумной страсти – нежность и желание этой необыкновенной гостьи...

Макама шестая

– Омой усталые члены, прекрасный юноша, – прошептал все тот же колдовской голос. Невозможно было воспротивиться этому повелению, как невозможно было удивиться, откуда здесь внезапно появился прудик с теплой, прогретой солнцем водой.

Бедр-ад-Дин с блаженной улыбкой погрузился в нежную воду, успев удивиться лишь тому, куда столь стремительно исчезла вся его одежда. Солнечные лучи играли в крошечных волночках, поднятых юношей. Чаровница уселась на кошму и с удовольствием следила за Бедр-ад-Дином.

Золотистая дымка придавала волшебную красоту гладким бронзовым плечам купающегося обнаженного мужчины. С удовольствием наблюдала незнакомка, как он медленно выходит из воды; у нее перехватило дыхание при виде великолепно сложенного тела, поблескивающего в лучах солнца.

Он был прекрасен, как, впрочем, и этот живописный уголок, куда джинния (а чаровницей была джинния Зинат, мятежная дочь иффрита) приходила помечтать. Силы джиннии хватало, чтобы превратить ключ, что бил у подножия пальм, в горный ручеек, который питали тающие снега. Человеку не дано было видеть крошечный пруд, и лишь те, кого джинния хотела облагодетельствовать, с удивлением замечали и небольшую плотину, и дикие цветы, что наполняли чистый воздух опьяняющим, кружащим голову, ароматом.

Зинат резко вдохнула этот сладкий воздух, когда юноша, наконец, выбрался на берег и застыл, нагой и озаренный ярким светом. Струйки воды стекали по его блестящему смуглому телу, оставляя искрящиеся капли в темно-золотистых волосах, которыми были покрыты его грудь и живот.

После омовения Бедр-ад-Дин чуть пришел в себя и с удивлением посмотрел на девушку.

– Кто ты, колдунья? Что ты тут делаешь?

– О юноша, я джинния Зинат. И я жду того мига, когда смогу насладиться соединением с тобой, столь же красивым, сколь и сильным.

– Но почему ты так уверена в том, что я тоже хочу этого?

– Потому что ты мне нравишься. И потому, что ты *действительно*, поверь духу огня, хочешь этого.

Да, он ей и в самом деле нравился. Ее пленила красота его тела, бронзовые мускулистые очертания которого были так не похожи на ее собственные плавные изгибы. Бедр-ад-Дин был рослым, гибким, узкобедрым, но широкоплечим. Все его тело дышало силой и выносливостью.

Бедр-ад-Дин же с удивлением понял, что он не просто желает этой неизвестной женщины, он сгорает от желания. И голову ему кружит одна лишь мысль о том, что он может коснуться ее, погладить покатые плечи, насладиться запахом кожи...

Зинат с удовольствием скользила взглядом вниз по влажному торсу Бедр-ад-Дина. О да, юноша желает ее и желает немедленно и страстно. Пусть этого еще не сознает его разум, но уже прекрасно знает тело. И сейчас джиннии было уже безразлично, что само желание юноши – лишь плод ее магии. Ее тело отозвалось на зримые признаки его страсти томительной болью внизу живота и тянущей жадой лона.

Должно быть, не отдавая себе отчета в том, что делает, джинния избавилась и от вычурного шелкового кафтана и от муслиновых шаровар. Вид нагого тела красавицы зажег дьявольский огонь в глазах зачарованного юноши. О, сейчас он был самым собой, мужчиной, и магия Зинат более уже была не нужна.

Она с наслаждением следила, как Бедр-ад-Дин приближается к ней. С победной решимостью в глазах он остановился над ней, позволяя видеть, каким твердым, огромным и возбужденным он стал. Внезапно, к смущению Зинат, ничуть не ожидавшей такого, юноша склонился над ней и потряс длинными непокорными волосами, осыпая ее разгоряченное тело градом искристых капель. От такого дождя джинния едва не задохнулась.

– О коварный! – вскрикнула она.

Он рассмеялся, ложась рядом.

– А теперь мне придется слизать капли с твоего изумительного тела, о прекраснейшая.

Он нацелился на левую грудь Зинат и обвел языком набухший сосок. Пронзительное наслаждение заставило джиннию так круто выгнуть спину, что Бедр-ад-Дину пришлось прижать ее к земле, чтобы удержать на месте. Прикосновение его прохладного торса и рук потрясло джиннию.

– О юноша, ты совсем замерз!

– Я чувствую это. Согрей меня, красавица, – произнес он внезапно охрипшим голосом. Нежность смягчила резкие черты его лица. Не давая Зинат опомниться, он лег между ее бедер, позволяя ей ощутить, сколь сильно он желает ее. Их пальцы переплелись, Бедр-ад-Дин поднял руки джиннии за голову и приник к ее губам в медленном, жгучем поцелуе.

Когда она ответила ему – с удивившей ее самую пылкостью, – юноша высвободил пальцы и начал ласкать ее тело. Зинат понравилось прикосновение его ладоней и нежных губ.

О да, она знала, какими сильными могут быть чувства, желание, жажда. Но прикосновения этого юноши были откровением даже для искушенной красавицы, дочери магического племени. Собственное тело уже не принадлежало ей: этот мальчик отнял его и теперь ласкал не торопясь.

Он оторвался от ее губ, спустившись вниз, по согретой солнцем коже шеи к обнаженной трепещущей груди. Зинат задохнулась и невольно подалась навстречу, когда его язык обвел розовый бутон соска. Она чувствовала, как он болезненно набух, выдавая ее желание. Дрожа и изнывая, Зинат прижалась грудью к горячему рту Бедр-ад-Дина.

– О да, красавица, – одобрительно бормотал он, касаясь губами ее кожи. – А теперь я познаю твое тело.

Продолжая наслаждаться тугим бутонем, он скользнул ладонью ниже и погрузил пальцы в завитки черных волос, венчающих слияние ее бедер.

Сладостные прикосновения Бедр-ад-Дина исторгли из губ Зинат протяжный стон. Казалось, этот юный красавец знал все, что только можно знать о женском теле, умел доставить невыразимое наслаждение, отыскивая самую чувствительную впадинку и изгиб, зная, как свести ее с ума. Сердце Зинат лихорадочно билось, она сжала его обнаженные влажные плечи, невольно вонзив ногти в бугры мышц, пока его губы повторяли замедленный, возбуждающий ритм ладоней.

– Вот так... узнай меня, Зинат...

Ее кровь воспламенилась, она прижалась к Бедр-ад-Дину, стремясь обрести освобождение от восхитительной пытки, выплеснуть жар, сгустившийся меж бедер.

– Бедр-ад-Дин... – Его имя сорвалось с ее губ как мольба.

Когда он наконец накрыл ее своим телом, она едва слышно вскрикнула – с благодарностью и разочарованием одновременно. Она ощущала прикосновение его губ к разгоряченному лицу, чувствовала, как пальцы отводят иссиня-черные пряди волос со лба. Но сейчас она не хотела такой нежности, не хотела сдержанности.

Едва он прижался к входу в ее лоно, она торопливо выгнулась навстречу, побуждая его двигаться вперед, пока он не проник в нее, заполнив собой ее нежную шелковистую плоть.

Зинат испустила удовлетворенный вздох блаженства, чувствуя тяжесть его тела, принимая его в себя. Она слышала, как начинает пульсировать ее лоно, наслаждаясь каждым миготом столь желанного соединения.

– Обними меня крепче, Зинат...

Услышав его хриплый приказ, она обвила ногами его узкие бедра, восхищаясь упругостью его мускулов, прислушиваясь к медленному, изощренному ритму его движений.

Пламя мгновенно взметнулось в ней, и она еще сильнее прижалась к Бедр-ад-Дину, стремясь ускорить наступление бесподобного и невыносимого блаженства, возносящего ее к звездам.

– Тихе, тихе... – услышала она хриплый шепот Бедр-ад-Дина, уткнувшегося в ее влажную шею, однако сам он тяжело дышал, невыразимо возбужденный ее движениями. Зинат изгибалась и подрагивала под ним, издавая тихие стоны. Внезапно она содрогнулась, приподнявшись в экстазе, и, взорванная пламенем изнутри, выкрикнула имя Бедр-ад-Дина, бессознательно впившись ногтями в его спину и ловя каждое мгновение пульсирующих сладких волн огненной страсти.

Бедр-ад-Дин тоже был близок к пику восторга. Сквозь дымку страсти она слышала его дикие стоны, хриплое, торопливое бормотание: «О волшебница...» Чувствовала, как его тело сжимается в ее объятиях, содрогается рядом с ней и в ней. Она упивалась неистовством его взрыва, внимая каждому толчку, с неукротимой силой выплескивающему в глубины ее лона благодатное семя.

Прижавшись губами к влажному шелку его груди, Зинат слабо улыбнулась, радуясь, что она сумела вызвать такой прилив страсти у этого удивительного незнакомца, который сейчас рухнул на нее, уткнувшись лицом в разгоряченную кожу ее шеи.

Прошло немало безмятежных, чудесных минут, прежде чем он отстранился от ее расслабленного тела и перекатился на спину с удовлетворенным вздохом.

Зинат в истоме пробормотала что-то и лениво придвинулась к нему. Это были минуты невыразимого блаженства: солнце согревало ее нагое тело, ветерок ласкал кожу, она утопала в запахе Бедр-ад-Дина, а душу переполняли ошеломляющая нежность и наслаждение близостью. Если бы только они могли не расставаться!

– О Аллах, как прекрасна человеческая любовь! – Наконец у Бедр-ад-Дина появились силы произнести хоть слово.

– О нет, мой нежный юноша. Не человеческая... Я джинния. И не могу то великое и прекрасное волшебство, что мы только что сотворили вместе, назвать простым глупым человеческим словом. Ведь со мной ты испытал нечто, чего не испытывал ни с одной женщиной своего народа.

– О да, прекрасная Зинат, это так. Ни одна женщина еще не дарила мне такого блаженства.

– Тогда осмелюсь я, о пылкий Бедр-ад-Дин, задать тебе один вопрос. Ты позволишь? Почему-то великолепная джинния вдруг оробела.

– О да, прекраснейшая. Я весь превратился в слух.

– Но, быть может, о Бедр-ад-Дин, тогда ты согласишься избрать меня спутницей своей жизни? Ни одна женщина не в силах дать тебе то, чего ты жаждешь и чем сумеешь обладать. Только джинния, прекрасный дух огня, великая и бессмертная, способна одарить тебя настоящей страстью и настоящей любовью, бесконечно долгими и бесконечно разными, какой бывает лишь сама вечность.

«О Аллах милосердный и всемилостивый... Что она говорит? Джиннию? Избрать спутницей жизни?»

И другой голос, другая часть сути Бедр-ад-Дина, ответил:

«Ну, что же тебя смущает, мальчик? Самая изумительная страсть станет отрадой твоего тела, а самая пылкая возлюбленная – радостью твоей души. Что худого в том, что она джинния? Ведь такой любви, в которую ты окунулся сейчас, тебе не подарит ни одна земная женщина!»

«О глупый мой разум, – отвечал Бедр-ад-Дин, – это все так. Но обычная женщина, пусть она и не дарит мне таких жарких объятий, разделит со мной всю мою жизнь. Она родит мне детей, воспитает внуков, станет моей отрадой не только в юности, но и в зрелости. Мы будем стариться одновременно. И оба познаем не только радость долгой совместной жизни, но и отраду того мига, когда придет к нам Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний!»

«Глупец! Она хочет тебе дать вечную жизнь и вечную любовь!»

«Но мне нужна не вечная, а счастливая любовь! Не вечная жизнь, а жизнь, полная радостей человеческих...»

– Увы, моя прекрасная Зинат. Как бы ни согрела мне душу твоя забота обо мне, как бы ни радостна была наша страсть, но я откажусь...

– О Сулейман ибн Дауд, мир с ними обоими, почему?! Неужели тебе было плохо со мной? Неужели ты не хочешь продолжения?

– Мне с тобой очень хорошо, добрая джинния. Но я всего лишь человек, ты же – бессмертная, дух огня, чудо, которое не дано укротить никому из смертных. Мне не по силам такая подруга! Я найду себе обычную женщину. Буду ее любить, растить с ней детей, а потом и внуков. Радоваться мелким человеческим радостям, печалиться от обычных человеческих бед. Я всего лишь человек, и не мечтаю о бессмертии!

– Глупец! Сопляк! Ничтожный червяк!

О Аллах, как страшны бывают в гневе женщины! Но разъяренная джинния во сто тысяч раз страшнее! Ее голос более не был нежным и страстным, не был он ни ласковым, ни теплым. Громоподобный крик, от которого пальмы начали терять листву, потряс все вокруг.

– Осел! Сын ничтожного человеческого рода! Баран, презревший мою любовь! Так знай же, никогда ни одна женщина не бросит на тебя влюбленного взгляда. Ибо от сего мига они будут видеть лишь старого сгорбленного уродца, который не достоин того, чтобы уважаемый человек подал ему медный фельс¹, даже просто посмотрел в его сторону!

Бедр-ад-Дин с ужасом слушал эту женщину. В гневе она была просто угрожающе уродливой. И у юноши невольно мелькнула мысль: «О Аллах, как хорошо, что я не назвал ее спутницей жизни... Превратиться в ящерицу только потому, что у жены плохое настроение!..»

– Глупец! Слизняк! Я даю тебе последнюю возможность раскаяться и признать меня своей спутницей! Не зли дочь огня!

– О нет, страшная Зинат. Теперь я точно не откажусь от своего слова. Пусть за это я расстанусь с жизнью, но ни за что, слышишь, глупая джинния, ни за что не назову тебя своей любимой.

– Как бывают пустоголовы и неблагодарны эти смертные! Так знай же, что ты вскоре будешь мечтать о смерти, звать ее, но она не услышит твоего зова. Ибо моя магия навсегда превратит тебя в изгоя.

– Я не боюсь тебя, уродливый дух!

Джинния зашипела от ярости, что переполняла ее черное сердце. Увы, пусть она сознавалась в этом лишь себе, но ее слова были всего лишь угрозой. Ибо навсегда превратить Бедр-ад-Дина во что бы то ни было ее власти не доставало. Она могла наложить заклятие, отвращающее взгляд, могла сделать так, чтобы все вокруг видели не стройного привлекательного юношу, а старого уродца, калеку. Но ее магия действовала лишь при свете дня. Как

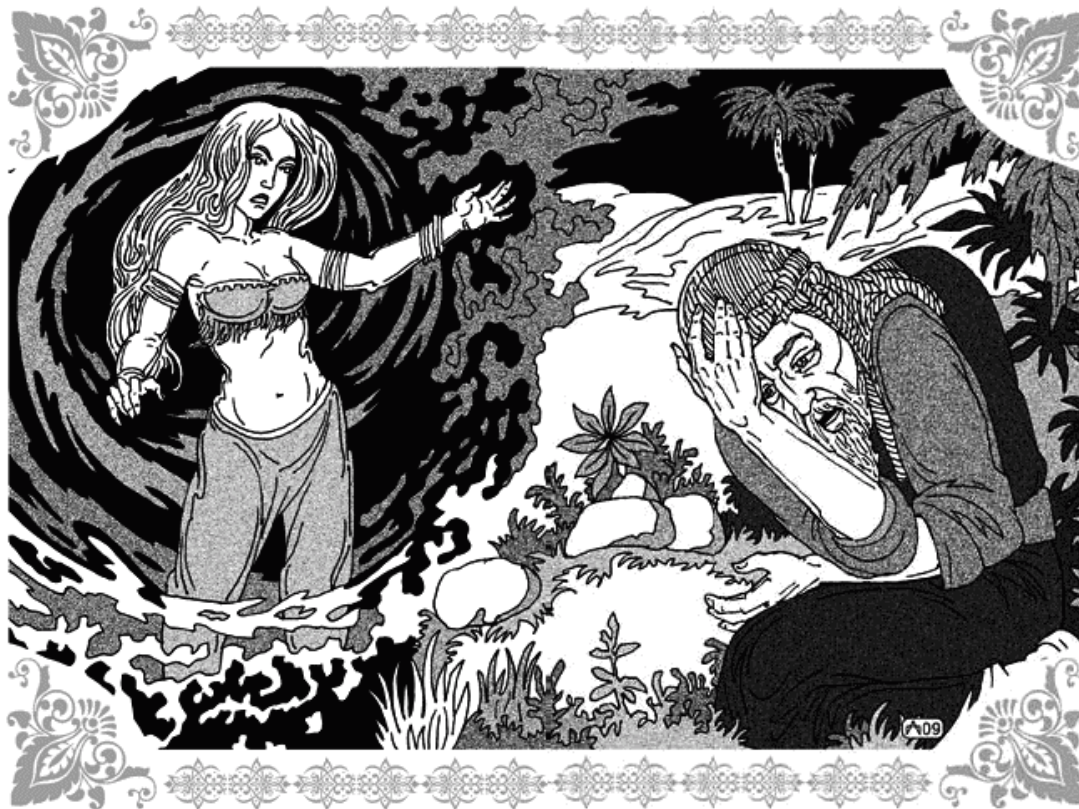
¹ Мелкая медная монета.

только на небо начнет всходить красавица Луна, покровительница ночи, то все вокруг увидят юношу Бедр-ад-Дина таким, каким сотворила его мать-природа.

«Ну что ж, пусть! Пусть лишь при свете дня действует заклятие половины! Но он будет уродливым калекой! И тогда он еще вспомнит обо мне! О, как я буду смеяться над его бессильными слезами! Как я буду хохотать над его мольбами о смерти!»

Быть может, джинния успокаивала сама себя. Быть может, наоборот, уговаривала, чтобы быть злее. Или, а это более всего походило на истину, она вела себя точно так же, как любая обычная женщина, как ни презирала сама Зинат «ничтожный человеческий род». Ибо многим женщинам свойственно устроить скандал или даже уйти, демонстративно хлопнув дверью, а потом представлять, как сильно страдает тот, кто за этой дверью остался.

Гнев терзал душу Зинат, и она готова была не в урода, а в безжизненный камень превратить несчастного Бедр-ад-Дина, осмелившегося противоречить ей. Но увы, одного желанья было мало. И тогда джинния решила, что раз она не сможет превратить юношу в камень, то уж свою угрозу превратить его в уродца она исполнит непременно.

Бедр-ад-Дина же терзал стыд. Ему было стыдно даже вспомнить, что он посмел пренебречь долгом ради какой-то склочной женщины. Теперь Зинат не казалась ему ни молодой, ни красивой, ни желанной. «О Аллах, как же мог я так низко пасть! Как мог забыть о поручении мудреца Валида, о судьбе отца, о надеждах матери! Нет мне за это прощения! И пусть эта змея превратит меня в урода, пусть. Ибо большего я не заслуживаю!»

Укоры совести, словно тысяча смертоносных клинков, терзали душу юноши. И эта боль была так сильна, что от нее темнело в глазах. Быть может, потому и не видел он, как джинния завертелась туманным столбом, как столб этот охватил все вокруг и завертелся, превращаясь в тайфун. Мириады песчинок встали серой стеной до самого неба, заслоняя

горизонт. И там, внутри этого столба, засверкали молнии, словно джинния хотела не нака-
зать, а сжечь своего строптивного возлюбленного.

В чудовищном грохоте были почти не слышны слова древнего заклинания, за пыльной
пеленой расплывались магические знаки. Страх объял душу Бедр-ад-Дина. И сил его в этой
темноте и грохоте хватило лишь, чтобы еще раз возблагодарить Аллаха милосердного за то,
что не дал ему сил согласиться на коварное предложение джиннии.

Наконец все стихло. Пальмы вновь невозмутимо шевелили своими огромными
листьями. По-прежнему тек ручеек у корней, безучастно и бесшумно. У ног коня по-преж-
нему лежали седельные сумки, даже кожаный мешок со свитками мудреца Валида по-преж-
нему выглядывал из одной из них.

Все было точно так, как в тот миг, когда Бедр-ад-Дин повернулся и увидел ее, маняще-
прекрасную в любви и мстительно-страшную в гнев джиннию Зинат.

С трудом приходил в себя Бедр-ад-Дин. Дорого бы он дал, чтобы никогда не видеть
ее, никогда не поворачиваться, чтобы проверить, все ли собрано... Но увы, время назад не
повернуть, и с новыми знаниями в прошедшее не окупиться.

– О Аллах, надо омыть лицо, – проговорил юноша. – Я весь в пыли, словно искупался
в огромном бархане...

Бедр-ад-Дин тяжело встал и, словно старик, потащился к ручейку.

– О Аллах, похоже, я искупался не в бархане, а попал под лавину из камней.

Наконец юноше удалось склониться над водой. Несколько пригоршней воды вернули
ему здравый разум. Бедр-ад-Дин наклонился, чтобы зачерпнуть еще воды и замер от охва-
тившего его ужаса.

Ибо из зеркальной поверхности на него смотрел глубокий старик. Морщины про-
легли грубыми складками, волосы истончились и побелели, пожелтели усы, жалким клоч-
ком пакли повисла борода.

Юноша закричал. И беззвучным криком ему из-под воды ответило отражение. Но
самое ужасное было то, что когда Бедр-ад-Дин опустил взгляд на свои руки – он увидел
сильные руки молодого мужчины. Когда же юноша поднес пальцы к лицу, они скользнули
по гладкой коже щек. По коже юноши, не старца.

Итак, свершилось. Теперь у ног коня сидел молодой и сильный Бедр-ад-Дин, который
для любого постороннего выглядел собственным дедом. А быть может, даже прадедом.

Но юноше хватило мудрости, чтобы и в этом незавидном положении найти преиму-
щество.

– Да пребудет с тобой Аллах, жестокосердная джинния, – проговорил он. – Ты, сама
того не подозревая, вместо наказания дала мне награду! Ибо теперь меня в этом дряхлом
теле не узнают мои враги, и я смогу беспрепятственно достичь цели своего путешествия!

Не знал, и не мог знать Бедр-ад-Дин, что за ним уже снаряжена погоня. Не знал, и не
мог он знать, сколько еще препятствий у него на пути. Но сейчас, найдя в себе силы пережить
ужас, он стал еще сильнее.

И готов был сражаться хоть с сотнями врагов, дабы выполнить, наконец, поручение,
которое дал ему мудрец Валид, брат царя Темира, да хранит его Аллах милосердный на
долгие годы!

Макама седьмая

К счастью, мужественному юноше помощь Аллаха в этом путешествии не понадобилась. Джинния, сама того не желая, действительно очень помогла Бедр-ад-Дину. О да, немощный горбун на горячем жеребце выглядел странно. Но никто и представить не мог, что этот уродец и есть гонец от мудреца Валида, что в его седельных сумках немалые ценности, да и золота тоже достаточно. И потому разбойники не обращали на необычного путешественника никакого внимания.

Быстроногий жеребец, словно почувствовав стремление Бедр-ад-Дина, оставлял позади фарсах за фарсахом. И тот путь, который караван преодолел бы за долгих семь, а быть может, и десять дней, смелый всадник преодолел за два. И даже после этой гонки Аллах оставался на стороне Бедр-ад-Дина. Ибо юноше удалось сесть на корабль купцов, что направлялись в город Искандера Двурогого.

Но, при ближайшем рассмотрении, в спутниках юноши оказались не купцы. Или не только купцы. Ибо лица странников были суровы, а их слуги мало похожи на посыльных в лавке. Да и цель путешествия, должно быть, вовсе не была обычной целью купцов, ибо не было при них корзин и сундуков, мешков и бурдюков. Зато были копья и щиты охраны, диковинные приборы, которыми эти странные купцы мерили море, и книги... бесчисленное количество книг, в которых эти необыкновенные путники искали ответы на свои вопросы.

Старшего спутники уважительно звали Синдбадом-Мореходом. И Бедр-ад-Дин, понаблюдав за «купцами», решил, что именно ему ведома цель странствия. Но расспрашивать не решился. Ибо дневной лик юноши предполагал годы страданий, странствий, лишений, — того, что дает человеку мудрость, а его ночной лик яснее ясного говорил о том, сколь мало видел Бедр-ад-Дин на белом свете и сколь мало знает.

Вот потому недолгое путешествие к городу Искандера Двурогого лишь на мгновение соединило двух великих странников. Миг же, когда корабль причалил к берегу, навсегда развел их, так и не дав изысканного наслаждения высоким общением. Видно, такова была воля Аллаха всемилостивого и милосердного.

И вновь юноше помогло заклятие джиннии, ибо с почтением обращались к Бедр-ад-Дину стражники и охрана дворца наместника. Ибо горбатый уродливый старец не может быть врагом, не может быть наемным убийцей, не может быть и предателем. Значит, его слова правдивы, и можно доложить о прибытии вестника из далекой страны Ал-Лат. Черный же жезл фараона, переданный с поклоном в руки самого наместника, положил конец недоверию, которое могло народиться в душе властителя города Искандера.

— Да пребудет с тобой милость Аллаха великого, о мудрый Исмаил-бей, наместник халифа, повелителя правоверных! — с поклоном проговорил Бедр-ад-Дин.

Солнце лишь всходило к зениту, и потому наместник с ужасом смотрел, как кланяется ему горбатый старец.

— Благодарю тебя, о мудрый посланец. Какие вести ты принес нам?

И Бедр-ад-Дин начал свой рассказ. И чем дольше говорил он, тем ярче огонь недоверия горел в глазах Исмаил-бея. Слова же о появлении в зале первого советника в сопровождении дворцовой стражи просто поразили наместника.

— Прости мне мою дерзость, о мудрый посланец, но я не могу поверить, что достойный советник Сейфул, да смилуется над ним Аллах великий, оказался способен на такое!..

— Увы, почтенный Исмаил-бей, это так. Я сам... — Тут Бедр-ад-Дин понял, что нельзя говорить о том, что он сам все это видел. Ибо свидетелем и, в какой-то мере, участником событий был юный сын визиря, а не сморщенный горбатый старец. —Сам слышал, как обо всем этом рассказал мудрецу Валиду мальчишка Бедр-ад-Дин, который не просто видел

все своими глазами, но, думаю, и в какой-то мере, пусть и невольно, вынес этот заговор из глубин...

– О Аллах, о чем ты?

– Быть может, я выразился неточно. Но если бы неразумные дети, Хасан с Бедр-ад-Дином, не прибежали во дворец и не подняли панику... Мудрец Валид считает, что тогда гибель царя и верных ему людей была бы неминуемой...

– И он прав, ибо заговор, должно быть, зрел давно, а появление мальчишек лишь ускорило события. И, думаю, сорвало планы заговорщиков.

– О Аллах милосердный... Так ты, о мудрейший, думаешь, что эти чада помогли царю?

– Конечно. Хотя и не смогли предупредить его задолго.

– Да воссияет небосвод вечной молодости над твоей головой, о наместник...

– Но почему ты так печешься об этих юношах?

– Хасан, друг быстрого Бедр-ад-Дина, приходится мне внучатым племянником. И если мальчик оказал честь трону, то вся наша семья сможет им гордиться... Хотя он и сорванец...

– Думаю, почтеннейший, что семья сможет им гордиться. Ибо это поступок смелого мужа, а не проказливого мальчишки.

Бедр-ад-Дин поклонился, лелея надежду, что слова о смелом юноше вполне можно отнести и к нему. Душу вновь пронзила тревога за Хасана. Увы, вовсе не внучатого племянника страшного горбуна, а близкого друга юного сына визиря.

– Почтеннейший посланник, мудрец Валид, да продлит Аллах его жизнь на тысячи лет, просит удержать тебя здесь, в гостеприимной Александрии до тех пор, пока за тобой не пришлют посольство. Похоже, у себя на родине, в далекой стране Ал-Лат, ты человек уважаемый, важный...

Бедр-ад-Дин нашел в себе силы молча кивнуть, удивляясь заботливым словам мудреца Валида. О да, этот человек даже в час беды думает сначала о других, а потом уже и о себе.

Но наместник, по-своему расценив молчание Бедр-ад-Дина, продолжил:

– ...и потому я буду рад оказать достойное тебе, о почтеннейший, гостеприимство. Ибо нет для меня радости большей, чем делить кров с земляком и другом самого мудреца Валида.

Бедр-ад-Дин еще раз поклонился. И ответил, приложив ладонь к сердцу:

– Благодарю тебя за гостеприимство, добрый Исмаил-бей, благодарю за заботу. Поверь, твои слова пролили бальзам радости на мою душу. Но в городе Искандера Двурогого живут мои родственники. Я поищу их. Быть может, кто-то вспомнит меня...

Исмаил-бей поклонился в ответ.

– Да будут удачны твои поиски, о достойнейший. Но помни, что возвращаться на родину тебе сейчас небезопасно. Оставайся здесь, на щедрой земле Кемет, что всегда давала защиту незаслуженно обиженным и гонимым. И конечно, двери моего дома всегда открыты для тебя.

– Да защитит тебя Аллах, о хранитель покоя и справедливости!

– Да пребудет с тобой удача, достойный посланник!

И Бедр-ад-Дин воспринял эти слова как позволение удалиться и попятился к двери, поминутно усердно кланяясь. Это зрелище, похоже, было для неподготовленного зрителя весьма тяжелым, ибо наместник, вскочив, поднял Бедр-ад-Дина после очередного поклона.

– Я провожу тебя, достойный посланник!

И, придерживая Бедр-ад-Дина под локоток, проводил его до распахнутых в этот час дверей в дворцовый сад. Должно быть, стража не была приучена к подобному зрелищу и потому стояла, выпучив от удивления глаза. Начальник же стражи, наблюдая за этим неслыханным событием из окна, решил, что за этим уродцем надо установить слежку хотя бы для того, чтобы воспрепятствовать покушению на его жизнь. Ведь если сам наместник халифа,

да хранит его Аллах своей мудростью на долгие годы, провожает гостя, бережно поддерживая под локоть, то гость – человек необыкновенный, дорогой сердцу почтенного Исмаил-бея, а потому заслуживающий всяческой опеки.

Наконец в саду Бедр-ад-Дину удалось избавиться от навязчивой помощи наместника. Он с удовольствием оглянулся, чувствуя, что груз заботы на сердце постепенно тает. И тут его взгляд упал на мальчика лет тринадцати, который что-то с увлечением писал на длинном пергаментном свитке.

На свою беду Бедр-ад-Дин наклонился к юноше и спросил:

– Это поэма о любви?

И почти сразу пожалел об этом. Ибо увидел горящие лихорадочным огнем глаза.

– О да, мудрый путник. Это поэма... Поэма о любви к самой прекрасной девушке под этим небом. Она так красива, так умна, так несказанно добра, что сердце влюбленного замирает от одного ее имени. Она так щедра, так внимательна, что ни один поступок влюбленного не останется незамеченным....

– Это, наверное, необыкновенная девушка? Ты о такой мечтаешь?

– Это самая прекрасная и самая желанная в мире девушка... это счастье и боль моих грез, мечта моей жизни. Она была рядом со мной все эти годы... И я мечтаю ее увидеть в прекрасном наряде невесты. Моей невесты. Отец говорит, что это она недостойна меня, что она много старше и необыкновенно привередлива. И ни один жених не может ей угодить. Но я точно знаю: это потому, что она ждет меня...

Юноша остановился, чтобы набрать в грудь воздуха. Бедр-ад-Дин понял, что мальчик не просто влюблен, что он бредит своей любовью, бредит возлюбленной. Теперь надо было уже опасаться того мига, когда юный поэт начнет читать свое произведение.

«О Аллах милосердный, – подумал Бедр-ад-Дин, – сделай так, чтобы он не начал читать стихи мне...»

Ибо, а быть может, к стыду своему, а быть может, и к гордости, стихов Бедр-ад-Дин не любил. «Мед поэзии» всегда был для него ядом. Он предпочитал прозу, пусть даже и витиеватую. О да, при необходимости Бедр-ад-Дин мог сочинить и восхваление и язвительно-насмешливые строки, но он не любил этого и не понимал, что находят в поэтических строках другие.

Быть может, Аллах милосердный услышал его безмолвную молитву, ибо мальчик не стал читать свое творение. Более того, он вдруг пристально посмотрел на Бедр-ад-Дина и спросил:

– А почему ты, удивительный двойной человек, расспрашиваешь меня?

– Как ты меня назвал, юный поэт?

– Я назвал тебя, двойной человек, двойным человеком. Ведь ты одновременно и стар и молод, и проницателен и глуп, и силен и немощен, и труслив и отважен. Более того, горб твой прозрачен и видны сильные плечи...

– Что ты сказал? Прозрачен? Как же это может быть?

Бедр-ад-Дин испугался слов мальчишки. Ведь никто не видел его вот так. Только этот полубезумный отрок.

«Быть может, дело в том, что этот отрок тронулся рассудком. Быть может, дело в том, что он поэт... Странно, но только ему удалось увидеть вещи такими, какими они есть. А не такими, какими кажутся...»

Пока Бедр-ад-Дин размышлял об этом, юноша, еще раз пристально посмотрев на собеседника, свернул свой свиток. Молчание гостя чем-то насторожило мальчика, и потому он, чуть сутулясь, повернулся и ушел по садовой тропинке.

Макама восьмая

О, как удивился бы прохожий, если бы в этот час заглянул в окна дворца визиря города Искандера Двурогого, прекраснейшего из городов земли Кемет, великолепной Александрии!

Да и было чему удивиться. Ибо не каждый день видишь самого всеильного визиря Салаха, прозванного Суровым, стоящего босиком на узорчатых плитах пола. И не каждый день слышишь, как рыдает в глубине сада его единственная и любимая дочь, несравненная Фарида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.